

- Совершенно ничего особенного.

Та реакция, что возникла у него только что, объяснялась лишь тем, что глаза собеседника и красная родинка у внешнего уголка были до боли похожи на те, что он помнил. Настолько, что на мгновение сознание спуталось.

Но стоило ясно осознать, что перед ним мужчина, да ещё и тот самый, что заявлял о желании его «переделать», как подобное больше не повторится.

Чжоу Цыбай был уверен.

А потом дверь распахнулась изнутри.

Гу Цицин, небрежно накинув куртку, стоял на пороге. Взгляд его слегка приподнятых глаз и яркая слезинка-родинка замерли в воздухе.

Чжоу Цыбай: «...»

Со звонким щелчком дрогнувшая рука положила трубку.

К счастью, новый звонок быстро вернул Чжоу Цыбая к реальности.

- Эй, Четвёртый, я же тебе про Гу Цицина рассказывал! Ты чего бросил трубку?! - голос Лу Пина, как всегда, гремел с непоколебимой мощью.

Очнувшись, Чжоу Цыбай быстро обрёл самообладание. Холодно глядя на человека, который, скорее всего, и был Гу Цицином, произнёс с намёком:

- Ничего. Просто в комнате кто-то есть.

- Кто-то есть?

Лу Пин замялся.

В их общежитии всего четыре человека. Старший уехал на учёбу за границу, сам Лу Пин и Чэнь Цзи путешествовали, а Чжоу Цыбай остался из-за тренировок по баскетболу. Больше никого не должно было быть.

Хотя, погоди...

- Вспомнил! - Лу Пин хлопнул себя по лбу. - Чёрт, чуть не забыл! Несколько дней назад тётя из администрации упоминала, что к нам заселят парня с математического факультета. Но мы тогда в игре зависли, проигнорировали, а потом собрались в поездку и забыли тебе сказать!

Лицо Чжоу Цыбая потемнело.

Лу Пин, не ведая о буре эмоций, продолжил радостно:

- Что? Ты уже видел нового соседа? Он переехал? Какой он? Высокий? Симпатичный? В игры играет? Как зовут?

После отъезда одного из соседей комната 314 в первом общежитии погрузилась в вечное «тройка недобирает четвёртого» для игры, поэтому Лу Пин ликовал так, что слышно было на три метра вокруг.

Чжоу Цыбай молчал, сжав губы.

А тихо слушавший разговор Гу Цицин неспешно бросил семь слов:

- Играю. Зовут Гу Цицин.

- ...?

Даже через помехи в трубке Гу Цицин почувствовал, как собеседник остолбенел.

Пауза.

- Четвёртый, это кто сейчас говорил? Что он сказал? Это имя, о котором я подумал? Я слышу галлюцинации или неправильно понял? - голос Лу Пина звучал ошарашенно.

Чжоу Цыбай холодно ответил:

- Понял правильно.

- ...

Долгое молчание.

- Ой, у меня тут на пляже связь плохая, ничего не слышу! Пока! - звонкий щелчок, затем гудки.

Чжоу Цыбай: «...»

Ему казалось, Лу Пина стоит сразу закопать в прибрежном песке.

А Гу Цицин, глядя на всё мрачнеющее лицо Чжоу Цыбая, наконец понял, что парень со станции - это и есть его новый сосед. Теперь ясно, откуда та реакция.

«Гомофоб столкнулся с натуральным изгибом» - не самый удобный расклад.

Но менять уже ничего нельзя.

Самому Гу Цицину было всё равно, но он не хотел, чтобы сосед его неправильно понял. Подняв глаза, он мягко объяснил:

- То, что я сказал на станции, было связано с особой ситуацией. Если тебя это задело, извини. Никаких скрытых смыслов не было. Не обращай внимания.

Он говорил вежливо.

Но лицо Чжоу Цыбая не прояснилось.

Правила общежития в Цинхуа строги: после оформления заявки на заселение или смену комнаты изменить решение по желанию уже нельзя. Даже если ему неприятно - придётся смириться.

Теперь ему предстояло жить в одной комнате с геем, который заявлял о желании его «переделать», да ещё и напоминающим его идеал женщины. Каждый день. Без возможности избежать.

Воспитанность не позволяла устроить скандал, поэтому Чжоу Цыбай, стиснув раздражение, мрачно смотрел на Гу Цицина сверху вниз.

Тот же спокойно поднял взгляд, изучая его.

Напряжённый взгляд, словно немой вызов.

Гу Цицин даже приготовился, что сейчас его вещи вышвырнут в окно.

Но Чжоу Цыбай лишь оттолкнул дверь, прошёл мимо, подошёл к свободной кровати, молча снял тяжёлые коробки, мешавшие заселению, и вышел на балкон.

Гу Цицин слегка приподнял бровь.

Он не ожидал такой реакции.

Черты лица Чжоу Цыбая - резкие, холодные, отталкивающие. Но сейчас, сдвинув брови и переставляя коробки, он напоминал ребёнка, который дует, но всё равно делает то, что должен. Как воспитанный мальчик из хорошей семьи, слегка вредный, но в целом послушный.

Послушный.

Ещё недавно Гу Цицин называл его «топом высшего разряда», а теперь - «послушным». Уголки губ дрогнули в усмешке.

Повернувшись, он собрался закрыть дверь, но заметил приклеенный на ней «Список важных событий общежития».

В третьей строчке чётко значилось: 31 декабря 2021 года - 19-летие Чжоу Сяобая.

«Значит, младший брат».

Понятно, почему такой послушный.

Гу Цицин кивнул.

Его голос, лёгкий, с южным акцентом, растянул слово «братик» так, что оно прозвучало странно сладко.

Чжоу Цыбай, переносивший коробку, вдруг пошатнулся, но быстро выровнялся, стараясь сохранить холодность:

- Разница небольшая. Не надо «братиком».

Дети не любят, когда их считают маленькими.

Гу Цицин снова кивнул:

- Ладно. Цы-гэ*.

(*Цы-гэ - обращение «старший брат Цы», фамильярный вариант)

И снова Чжоу Цыбай едва не уронил коробку.

Услышав второй шум, Гу Цицин обернулся. Чжоу Цыбай сжимал коробку так, что на руках

выступили вены, а уши покраснели.

Словно «добродетельная девица», терпящая унижение.

Гу Цицин невольно усмехнулся.

Смешок, тихий, но отчётливый, достиг ушей Чжоу Цыбая. Краснота на ушах усилилась. Он швырнул последнюю коробку, резко обернулся, готовый что-то сказать, но Гу Цицин уже спросил:

- Я забыл гель для душа и шампунь. Можно одолжить твой?

Его глаза, напоминающие лепестки лотоса, приподнялись к вискам, обычно полуприкрытые ленью. Но сейчас, широко открытые, они сияли наивностью, словно умоляя не отказывать.

Чжоу Цыбай, собравшийся высказаться, сглотнул:

- Да.

- Спасибо.

Гу Цицин скрылся в ванной.

Чжоу Цыбай остался стоять, и только когда зашуршала вода, вспомнил, что собирался сказать: «Соблюдай дистанцию!» - отчего на лбу выступила досадливая складка.

Телефон залился трелью.

Раздражённо сев, он открыл чат общежития, где два виновника вовсю общались.

[Лу Пин, крушащий несправедливость]: Брат, Чжоу-гэ, Бай-гэ, Цы-гэ, прости! Я виноват! Не надо злиться, но береги себя! А то вернёмся - а ты уже не девственник!

[Чэнь Цзи]: Да ладно. Помнишь, на первом курсе тот парень с водой подошёл, а наш Чжоу сразу в учебный лагерь сбежал? Или когда его потрогали за руку - чуть кожу не смыл. Если такой «образцовый девственник» прогнётся, я голову Гу Цицину подарю!

«Образцовый девственник»...

Чжоу Цыбай процедил сквозь зубы:

- Вам делать нечего?

Его появление в чате вызвало бурю.

[Лу Пин, крушащий несправедливость]: ЧЕТВЁРТЫЙ!!! ТЫ ЖИВ?! Я думал, он тебя уже съел!!!

Как будто его, мужчину под 190 см, можно «съесть»!

Чжоу Цыбай еле сдержался:

- Хватит. Гу Цицин сказал, что это недоразумение. Завязывайте.

[Лу Пин, крушащий несправедливость]: А он тебе поверил?! Ты же ходячий идеал для пикапера! Не будь наивным!

[Чэнь Цзи]: Если б он хотел тебя переубедить, вряд ли стал бы открыто говорить об этом.

[Лу Пин, крушащий несправедливость]: С такими искусителями лучше перебдеть!

[Чэнь Цзи]: Но понять его намерения просто.

Чжоу Цыбай нахмурился.

[Чэнь Цзи]: Например, обычные люди соблюдают границы. А если есть интерес – будут создавать намёки.

[Чэнь Цзи]: Как я понял, что хочу свою девушку, а не других?

Чжоу Цыбай, кроме мимолётного увлечения в школе, никогда не влюблялся. Откуда ему знать?

Но Чэнь Цзи продолжил:

[Цзи Чэнь]: Во время выпускного путешествия она забыла шампунь и попросила мой. После мытья головы пошли в гостиную смотреть фильмы. Она села рядом, с мокрыми волосами.

[Цзи Чэнь]: И тут я заметил: шампунь тот же, но от неё пахло в разы приятнее. А когда воротник промок, шея казалась такой белой, тонкой... Сердце застучало как бешеное. Тогда я понял – всё, я влюбился.

[Цзи Чэнь]: А знаешь, что потом?

Чжоу Цыбай: [?]

[Цзи Чэнь]: Когда мы начали встречаться, она призналась: давно ко мне равнодушна, но стеснялась сказать. Вот и проверяла реакцию. Сработало.

[Цзи Чэнь]: Так что намерения видны сразу.

Шампунь, воротник, шея?

Чжоу Цыбай будто что-то осенило, но прежде чем мысль оформилась, дверь ванной открылась.

Гу Цицин в просторной белой рубашке и льняных брюках, вытирая волосы, подошёл и спросил небрежно:

- В ванной на полу чёрное нижнее бельё. Твоё? Перестирать?

Аромат померанца, обычно незаметный, сейчас витал в воздухе, обволакивая обоняние Чжоу Цыбая густым нежным шлейфом.

Мокрые чёрные пряди прилипли к тонкой шее, промолив воротник, обнажив белую, почти прозрачную кожу с голубоватыми прожилками вен. Возникло дикое желание прикусить это место, отчего сердце забилось чаще.

Вот оно: шампунь, воротник, шея, учащённый пульс.

«...»

Чёрт!

Чжоу Цыбай резко вскочил, бросив:

- Я купить кое-что! - и, с пылающими ушами, длинными шагами выбежал из комнаты.

Словно малейшая задержка грозила катастрофой.

Гу Цицин, глядя на захлопнувшуюся дверь, слегка приподнял бровь. Он что-то сделал?

Вроде нет.

Видимо, гомофобия серьёзная.

Придётся быть осторожнее.

Размышляя так, он положил полотенце, неторопливо надел перчатки и поднял с пола чёрное бельё, собираясь бросить в неиспользованный таз.

Но едва он нагнулся, дверь скрипнула.

Чжоу Цыбай, вернувшийся что-то сказать, застыл на пороге, сжимая ручку. Его взгляд упал на собственные трусы, зажатые в руке Гу Цицина.

Три секунды - и краска залила шею до корней волос.

<http://bllate.org/book/14413/1274331>